

Идентичность православного духовенства в Сибири: социокультурные представления и конфликтность на рубеже XIX-XXвв.

Возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных.

Матфей 22:13-14 Библия, Синодальный перевод

«Своим диким неприветливым видом горные громады производили тяжелое грустное впечатление, унося воображение в дикую даль, в область чего-то жуткого, страшного», - написал в 1908 году священник Омской епархии Д. Садовский в своих заметках епархиального наблюдателя¹. Область «жуткого, «страшного» присутствует в его записках и прежде: «Видны вершины вздымающихся над домами татарских минаретов... Чувствуется, что... погружаешься в глубь азиатской восточной дикости и мглы, так что жутко становится на сердце». «Жуть», «страх», «глубь», «дикость» и «мгла» ждали сибирского священника тут же, едва ли за границей населенного пункта и сопровождали те 10-30 (а то и все 40-45) верст по пути в отдаленные поселки прихода и от церкви до церкви, а то и между аулами². Ежегодный выезд на благочиннический съезд требовал иной раз преодолеть до 70 верст³. Это были тяжелые, опасные версты: «Кругом беспросветная осенняя мгла, усугубляемая мутной ночью... я думал о том, за какие грехи мне ... послал Бог столь тяжкие муки»⁴; «Боже мой! Как тяжелы и долги казались мне эти 120 верст!»⁵. Священник Садовский, оставивший столь живописные впечатления, был в своих представлениях не одинок – о Сибири как «стране изгнания и забвения»⁶, «немых пустынь», «тишины и молчания»⁷, «оторванности от устоев жизни»⁸, говорилось в периодической печати Европейской России, в «записках», отчетах и воспоминаниях путешественников, чиновничества. Эти же представления транслировались в церковной

---

¹ Садовский Д. Путевые заметки омского епархиального наблюдателя церковно-приходских школ во время поездки по школам Омской епархии с 28-го сентября по 5-е ноября 1907 года//Омские епархиальные ведомости. - 1908. - №1. – С. 32.

² Иной раз расстояние от церкви до церкви могло составлять и 200-400 верст (в северной части Тобольской епархии). Например: Тобольские епархиальные ведомости. - 1911. - №16. – С. 353.

³ Например: БУ ОО ИСА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 151. Л. 552-553.

⁴ Садовский Д. Путевые заметки ... С. 29-31

⁵ Пинтусов М. Поездка священника Спасской церкви села Парабельского, благочиния №6, Малахии Пинтусова, в верховья реки Парабели и по притокам её Кенге и Чузыку, 7-20 декабря 1910 года//Томские епархиальные ведомости. – 1912, №3. – С. 153.

⁶ Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века//Диалог со временем. - №39, 2012 – с. 171 – 182. - С. 172

⁷ Миф о Сибири в творчестве А.П.Чехова («Очерки из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. - Иркутск, 2004. - С.279.

⁸ БУ ОО ИСА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 52. Л. 32.

сибирской печати и, будто бы, вполне соответствовали тому, с чем сибирский причт сталкивался в местах служения на рубеже XIX-XXвв.

Положение священника в сибирских епархиях (к началу XXв. – преимущественно в отдаленных сельских приходах) было специфично: он зачастую работал на территориях, где православие еще предстояло укорениться (внешняя миссия) — то есть в новообразованных поселках с молодыми церквями (или вообще без церквей), в степях; а так же в старосельческих поселках с низким уровнем религиозной активности, значительным «уклонением в ереси» (миссия внутренняя).

Имеются сведения о деревнях, уходящих в сектантство целиком, о деревнях, «зараженных ересями»⁹. Быть может, распространение сектантства было и не столь велико, однако масла в огонь подливала церковная печать, нагнетая тяжелое, мрачное ощущение - с момента выхода первого номера «Омских епархиальных ведомостей» в 1898 году складывается представление, что проблема сектантства христианского толка, например, в Омской епархии занимает в умах авторов издания такое же по значимости место, как и малая численность духовенства, низкий уровень материального достатка церквей, низкая грамотность и высокая смертность в среде православных священнослужителей. В «Томских епархиальных ведомостях» за 1910 год помещено 20 материалов противосектантской направленности¹⁰, за 1911 – 25¹¹, за 1912 год помещено 27 аналогичных статей¹², в 1913 году помещено 27 статей¹³, имеющих отношение к борьбе с сектантством (т.н. «внутренняя миссия») – то 1 или 2 статьи на номер. В «Тобольских епархиальных ведомостях» за 1909 год помещено 22 материала противосектантской направленности¹⁴, за 1911 – 10, за 1912 – 5 (не считая постоянно действующей рубрики о деятельности духовных миссий). У постоянного читателя церковной прессы складывается ощущение жизни в осажденной крепости, в кольце врагов.

Едва выехав за пределы прихода, священник сталкивался с «миссией внешней» лицом к лицу: «Один угол палубы занят был киргизами. Перед ними временами останавливались кучки крестьян-переселенцев,... иногда вставляя с своей стороны по их адресу... «Азия», «дикари», «орда некрещеная»¹⁵.

⁹ КУ ОО ИсА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 151. Л. 598-599

¹⁰ Указатель статей, помещенных в "Томских епархиальных ведомостях" за 1910 год. Томск, 1911.

¹¹ Указатель статей, помещенных в "Томских епархиальных ведомостях" за 1912 год. Томск, 1912.

¹² Указатель статей, помещенных в "Томских епархиальных ведомостях" за 1912 год. Томск, 1913.

¹³ Указатель статей, помещенных в "Томских епархиальных ведомостях" за 1913 год. Томск, 1914.

¹⁴ Оглавление неофициального отдела «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1909г.//Тобольские епархиальные ведомости. - 1909. - № 24. – С.197-198.

¹⁵ Садовский Д. Путевые заметки ... С. 29-30.

Суровые погодные условия дополнительно осложняли труды служителя: он сталкивался с зимними морозами, летней засухой, осенней слякотью, весенней распутицей. Едущий вглубь «Забытой Сибири»¹⁶, к границам освоенного пространства, священнослужитель нуждается в самоопределении, принадлежности к социальной общности больше, чем его «российские» коллеги – чтобы не раствориться «во тьме». В условиях территориальной обособленности его идентичность выстраивается не только вокруг понятия «духовенство», но - «Россия», «Сибирь». Насколько он ощущает себя «россиянином», «русским», а насколько – «сибиряком»?

По видимости, для старожильных священников различие между этими двумя категориями вполне реально. «Я сам лично северный коренной сибиряк» - эта формулировка типична для самохарактеристик сибирских священников, она встречается в публикуемых ими заметках, воспоминаниях и письмах¹⁷. Характерно и демонстрируемое противопоставление «российских» и «сибиряков» - что примечательно, характерно для обеих категорий: «российский» священнослужитель очень долго, спустя многие годы по приезде в Сибирь, продолжает именовать себя «российским», а местный служитель – «старожильным», «сибиряком». Различие в вопросах самоопределения налагает отпечаток и на представления о Сибири. Священник-«сибиряк» настаивает на глубокой «чистоте» Сибири: «Всякий знает, что Сибирь, до водворения в ней переселенцев, была положительно свободна и чиста от всяких рационалистических сект». Этот же священник с особой теплотой говорит: «Сибирь приняла их [переселенцев], обласкала, дала им пахотные и сенокосные луга¹⁸. Автор «впечатлений» практически повторяет традиционное представление американского «фронтмена»¹⁹ в отношении земель Северной Америки: для него Сибирь - «табула раса», изначально обладающая всем необходимым для счастливой жизни, правда, испорченная тем, что переселенцы привезли с собой. В оппозицию «Россия – Сибирь» священником-сибиряком вкладывается качественно иное содержание, нежели «российским».

Формально оставаясь в традиционном поле представлений, сформированных в «России», священник-«сибиряк» вступает в процесс формирования новой региональной идентичности, одновременно создавая специфические локальные мифы – миссионерские. Можно говорить о том, что священнослужитель «обживает» новое пространство иначе,

¹⁶ Забытая Сибирь // Тобольские епархиальные ведомости. – 1911. - №16. – С. 353-358

¹⁷ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. - 1911. - №11. – С. 31; Так же характеризует себя и уроженец Тобольской губернии, окончивший Тобольскую духовную семинарию, о. Н.А. Бирюков: Бирюков Н.А. Из воспоминаний о прожитой жизни//Тобольские епархиальные ведомости.- 1912. - №21. – С. 494.

¹⁸ Из впечатлений сельского священника ... С.32-33.

¹⁹ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск: ИГУ, 2002.

чем представители иных сословий, поскольку священник вооружен иными, библейскими, дискурсами. Для того, чтобы сделаться «сибиряком», а Сибирь – родным краем, священнослужителям необходимо было создать свой локальный миссионерский миф о Сибири, который укладывался бы в библейскую картину мира. В процессе «обживания» пространства формируются образы местных святых, насаждается миф о цивилизующей роли священнослужителя, с целью проповеди происходит освоение языков коренных народностей – в полном соответствии с миссионерской практикой, заложенной библейским дискурсом. И прорываются торжествующие голоса победившего миссионерства: «Радостное, умильное то было шествие, происходившее в степях Средней Азии, на земле киргизов; где так еще недавно были лишь аулы, становища и летние кочевья, там теперь царит над русским селеньем, высоко сияет в воздухе крест православной церкви, славится и торжествует вера Христова»²⁰.

На фоне складывания региональной идентичности и локального миссионерского мифа социокультурные представления, центральными среди которых выступают представления о «смерти», «рождении», «браке» и «семье», внешне будто вовсе не трансформируются под влиянием времени и пространства, застывая в традиционности канонического понимания. На рубеже XIX и XX веков духовенство по-прежнему остается транслятором традиционных представлений о смерти (смерть как театральная акция, имеющий дидактическое назначение): служитель встречает смерть в кругу семьи, описание его последних мгновений подробно протоколируется и публикуется на страницах епархиальных ведомостей. Однако его паства вместе с постепенным уходом от церкви приходит к иному пониманию смерти, близкому современному обществу – «смерти исключенной» в терминологии Ф.Арьеса²¹: многочисленные жалобы священнослужителей на захоронения без отпевания вполне закономерны и только усугубляются большими расстояниями до церкви. Случаи демонстративных захоронений без отпеваний даже вблизи церквей указывают не только на локальные конфликты причта и паствы, но и на общую тенденцию снижения религиозного чувства прихожан (или его трансформации во внецерковные формы), и на изменение представлений о важности «последнего часа»: требования священнослужителя о соблюдении соответствующих церковных процедур рассматриваются прихожанами в контексте «вымогательств за требы», злого умысла и других, не относимых непосредственно к деятельности священнослужителя, мотиваций.

²⁰ Из письма священника //Тобольские епархиальные ведомости. - 1895. - №21. - С. 356.

²¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. – С. 474.

Презентуемые священнослужителем обществу представления о рождении, браке и семье остаются такими же, как в прошлые века (поскольку с канонической точки зрения никаких изменений не происходит и произойти не может), и опять же вступают в конфликт с изменившимися, более свободными представлениями прихожан. К началу XX века проблема брака встает с особой остротой. Постепенное увеличение роли женщин в общественной жизни, секуляризация, быстрое распространение многочисленных альтернативных официальному православию религиозных направлений и развитие крайних политических течений – всё вместе поставило под вопрос необходимость именно церковных браков, требовало упрощение сложных процедур разводов и уменьшения ограничений в сексуальной сфере. Между тем для священнослужителя брак не только необходим, но единственно возможен как форма интимного взаимодействия. Т.Г. Леонтьева указывает, что семья служителя в Тверской епархии выступает как ключевая категория быта, который «перерастает рамки бытовой сферы. Семья священника выступала своего рода микрокосмом, где вырабатывались стандарты взаимодействия между полами, взрослыми и детьми, «своими» и «чужими». От ситуации в семье священника во многом зависело поведение прихожан»²². С этими наблюдениями сложно не согласиться: в основе идентификации духовного сословия заложено представление об особой роли духовенства в деле спасения «народа» - священнослужитель находится в зоне постоянного внимания общества как образец для подражания в деле христианского благочестия. Вся его жизнь во всех поступках – от рождения и до смерти – должна представлять эталон для паствы.

Однако на практике брачно-сексуальные отношения несколько отличаются от предписанных идеалов: в действительности сибирский священник сталкивался сразу с несколькими проблемами, входившими в противоречие с апостольскими заповедями. Важнейшими из них выступали низкий материальный достаток духовных лиц; высокая смертность в сословии; фактический запрет на второбрачие. Всё это толкало духовенство к различным формам девиаций в брачно-сексуальной сфере: неоднократно в жалобах на духовенство, словно клише, встречается обвинение: «упрекают единоверцы и раскольники, говоря, что духовенство православное держит у себя на дому наложниц»²³. Зафиксированы случаи изнасилования прислуги, сексуальных домогательств в отношении прихожанок, открытого незаконного сожителства, двоеженства. Это, конечно же, крайности, и не слишком частые, однако именно из таких крайностей складывалось общее

---

²² Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. – М.: Новый хронограф, 2002. - С. 132.

²³ ГУ ОО Иса Ф. 16. Оп. 1. Д. 190.

представление о духовенстве, которое затем ретранслировалось паствой – обвинения в склонении к сожительству вообще очень часты и даже используются женщинами в качестве мести конкретному священнику. В основной массе служители западно-сибирских епархий достаточно строго соблюдали брачно-семейные нормы, а в их собственных описаниях семейной жизни заметно то же «тяготение к семейной идиллии», о котором на примере тверского духовенства пишет Т.Г. Леонтьева²⁴. Несмотря на то, что вся совокупность брачных отношений пряталась за скупым «женат» и перечнем детей в послужном списке духовного лица, некоторые духовные лица оставили проникнутые нежными чувствами описания семьи и детства²⁵, изредка попадаются косвенные, скупые упоминания о поседевших с горя служителях-вдовцах.

Тем не менее можно констатировать, что наблюдалась резкая девиантизация отношений в духовной среде, не уникальная на фоне общего распространения девиаций в российской среде. В частности, вопросов распространений девиаций коснулся в своем исследовании Б.Н. Миронов²⁶, говоря о нарастающей криминализации общества в периоды реформ и социальных потрясений, делая вывод о прямой связи между модернизацией общества и ростом числа девиаций. О девиантном поведении в крестьянской среде Сибири говорит В.А. Зверев²⁷. По данным исследователя, все эти явления в сибирской крестьянской среде усиливаются на рубеже XIX-XX веков. Наконец, результаты специального исследования феномена девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже веков указывают на «колоссальный рост преступности и хулиганства, нищенства и самоубийств, алкоголизма и... расцвет проституции... в империи начала XX века»²⁸.

Казалось бы, именно на духовенство по характеру деятельности возлагается примиряющая, сглаживающая конфликты роль. Однако настоятельная потребность в изменениях наблюдается во всех сферах жизни духовенства – и находит выход как в просоциальном поведении («модничанье», «увлечение политикой»), так и в антисоциальном (пьянстве, сквернословии, рукоприкладстве, хулиганстве, глумлении над

²⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс ... С. 133.

²⁵ Например: С.В.П. Женщины евангельские и современные // Омские епархиальные ведомости. – 1907. - №16. - С. 13.

²⁶ Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. - СПб.,1999. – Т.2. – С. 78 – 97.

²⁷ Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири: 1861-1917 гг. – Новосибирск, 1993. - С. 187 – 199.

²⁸ Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX - XX вв.: преступность, пьянство, проституция :На материалах Пензенской губернии: дисс. иссл. На ст. к.и.н. – Пенза, 2002.

обрядом). Внутренняя потребность в «следовании духу времени» толкает духовенство к крайностям – от фанатизма до цинизма в отношении церковного обряда и веры.

Итак, в исследуемый период происходит складывание социальной идентичности сибирского священнослужителя. Этот процесс протекает в специфических условиях «мглы» и «дикости», в окружении «миссии внешней», в соседстве с «миссией внутренней». В это же время переживает социальные трансформации и сибирский приход — в нём постепенно отмирают традиционные социокультурные установки. Между тем, в основу социальной идентичности сибирского служителя вкладываются именно традиционные представления о жизни, смерти, идеале семейственности — требования православного канона неизменны. Невозможность изменения жизненного уклада и транслируемых обществу представлений вслед за изменениями в этом обществе порождает трагическую неспособность складывающейся общности выстраивать свою деятельность адекватно происходящим трансформациям. Противоречие между необходимостью и возможностями порождает конфликты в двух областях: внутриличностной (что проявляется в девиантном поведении священнослужителя) и внутриприходской (находящей выражения в конфликтах между причтом и прихожанами).